

ЕЛЕНА ДМИТРЕНКО
(Полтава)

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ОБРАЗ ДОМОВОГО В СКАЗКЕ В.Ф.ОДОЕВСКОГО «ИГОША»

Ключові слова: казка, мотив, образ, романтизм,
фольклор.

Сказка В.Ф.Одоевского «Игоша», вошедшая в цикл «Пестрые сказки» (1833), неоднократно была предметом полемики в работах исследователей. В.Г.Белинский считал, что в ней «все непонятно, от первого до последнего слова», и поэтому она «вполне заслуживает названия фантастической» [2, с.118]. Доминирующую роль в сказке играет фольклорный мотив общения человека с домашним духом – домовым, «безруким, безногим существом», который, по словам В.И.Даля, «космат, но более этой приметы нельзя упомянуть ничего, он отшибает память» [4, с.467]. В другом источнике В.И.Даль описывает домового как вполне реального человека: «Это плотный не очень рослый мужичок, который ходит в коротком смуром зипуне, а по праздникам и в синем кафтане с алым поясом. Летом также в одной рубахе; но всегда босиком и без шапки, вероятно потому, что мороза не боится и притом всюду дома» [3, с.16]. Собиратель русского фольклора причислял Игошу к домашним духам «низшего разряда».

Загадочное существо восходит к фольклорному образу, навеянному народной фантазией и связанному со страхом перед необъяснимыми явлениями. «Былички» о домовиках, русалках, леших, водяных, кикиморах, шишиморах широко бытовали в народном сознании. В крестьянской среде было популярным рассказывать истории о невидимых духах, которые любят озорничать над человеком. Суеверы полагали, что эти существа принимали активное участие в жизни людей: василиски ухаживали за лошадьми, овинники обитали в сарае и заботились о животных, банник был хозяином в бане, а в доме – домовый. И если люди забывали оставить на ночь хлеб на столе или как-то обижали его, тот мог натворить все, что угодно.

Домовые часто становились объектом художественного восприятия романтиков. А.С.Пушкин, называя домового «покровителем дома и семьи», посвящает ему свое стихотворение под названием «Домовому»:

*Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикой садик мой
И скромную семью моей обитель [9, с.203].*

Однако распространенность сюжета о домовом Игоше слабо отражена в русской литературной сказке. Малоизвестный мифологический сюжет, используемый В.Ф.Одоевским, представляется важным для понимания художественной системы автора. У В.Ф.Одоевского домовый – «добрый малый», хотя часто проказничает, если ему «лишней ложки за столом не положишь или поп лишнего благословенья при отпуске в церкви не даст». Совсем в духе народных представлений Игоша В.Ф.Одоевского «лошадей бережет, гривы им заплетает, к попу под благословенье подходит» [6, с.94]. Автору сказки было хорошо известно, что домовые – единственные представители нечистой силы, которые не боятся Святого образа, поэтому они спокойно могут жить в домах верующих.

Писатель отразил в своей сказке описанный В.И.Далем обычай выкидывать Игоше за окно шапку, рукавицы и сапоги. Так, герой сказки, желая угодить домовому, «схватил нянюшкины ботинки и махнул их за форточку, приговаривая вполголоса: «Вот тебе, Игоша» [6, с.95]. Вопрос о связи сказки с народными обрядами освещен В.Я.Проппом. Литературовед указывал на то, что «сказка сохранила следы очень многих обрядов и обычаев: многие мотивы только через сопоставление с обрядами получают свое генетическое объяснение» [8, с.120]. Повествование в сказке «Игоша» ведется от первого лица. Можно предположить, что автор, используя фигуру рассказчика Ириней Модестовича Гомозейки, выразил в произведении собственный жизненный опыт. Это дает возможность читателю проникнуть в тайники детского наивного сознания. А «ребенок редко ошибается, – писал в «Психологических заметках» В.Ф.Одоевский. – Его ум и сердце еще не испорчены» [7, с.277]. Не случайно Б.А.Бегак назвал «Игошу» «воспоминанием детских лет» [1, с.43]. Со слов рассказчика мы узнаем, что в его памяти образ Игоши запечатлелся как вполне понятный и естественный. Воспоминания рассказчика ассоциируются с тем состоянием «младенческой души, где игра воображения так чудно сливается с действительностью» [6, с.102]. Автор сказки называет это состояние «полусонным», пробуждение от которого наступает лишь во взрослом возрасте.

Примечательно, что домового как реальное существо в сказке В.Ф.Одоевского «видит» ребенок. В контексте произведения детское сознание отождествляется с народным. Перед глазами ребенка возникает «маленький человечек в крестьянской рубашке, подстриженный в кружок; глаза у него горели как угольки, и голова на шейке у него беспрестанно вертелась; <...> у бедняжки не было ни рук, ни ног, а прыгал он всем туловищем» [6, с.95]. В разговоре с ребенком Игоша говорит пискливым, тоненьким голоском: «Я тебе и игрушки ломаю, и нянюшкины чайники бью, и в угол не пускаю, и веревки развязываю, а когда уже ничего не осталось, так рамы бью» [6, с.102]. По мнению Б.А.Бегак, образ Игоши – это «преломленное в детском сознании народное поверье» [1, с.43]. Рассказ о домовом ребенок впервые слышит из уст отца, который узнал о существовании Игоши от извозчиков. Появление сказочного героя овеяно ореолом таинственности: это не кто иной, как дух умершего крестьянского ребенка, который родился «без ручек, без ножек – в чем душа» [6, с.93-94].

Для поэтики сказки характерно параллельное существование фантастических элементов, берущих начало в русском фольклоре, и деталей вполне реальной жизни. Специфические особенности построения «Пестрых ска-

зок» очень точно отметил Л.Г.Фризман: «Здесь проявилась одна из наиболее характерных особенностей таланта Одоевского – склонность к «соединению несоединимого»: фантастических ситуаций с точным ироническим воссозданием деталей современного быта и нравов, скептицизма с глубоким сочувствием человеческим страданиям, философского дидактизма и интереса к иррациональному с злыми насмешками над пустотой и пошлостью современного общества» [11, с.97]. Уже в самом начале сказки формируется семантическая оппозиция: фантастическое – реальное. По этому поводу М.А.Турьян отметила: «Сосуществование параллельных планов – фантастического и реального – воспроизведено здесь как неуловимое, легко переливающееся одно в другое чередование детской грёзы и действительной жизни, как состояние полусна-полуяви, когда факты сиюминутного бытия продолжают свою жизнь, своё развитие в иной, «ирреальной» ипостаси – и вновь возвращаются в действительность» [10, с.23]. Мифопоэтическое представление о пространстве, которое является одновременно и открытым, и замкнутым, возникает в начале повествования. В сказке, с одной стороны, пространство ограничено детской комнатой с няней и игрушками: «Я сидел с нянюшкой в детской; на полу разостлан был ковёр, на ковре игрушки» [6, с.93]. С другой стороны, упоминаются город, дорога, изба, конюшня, церковь. Игрушки (моська, барабан, барабанщик, колясочка), ковёр, нянюшка являются своего рода локальными указателями, хотя они не имеют пространственного значения.

При помощи повторяющихся лексических средств подчёркивается существование параллельных планов повествования. Ребенок не отделяет себя от мира игрушек: «игрушки, а между игрушками я»; «и я снова очутился на ковре между игрушек»; «Смотрю, маленький человек прямо к столу, где у меня стояли рядом игрушки»; «зачем ты сронил мои игрушки, едакой злыдень!» [6]. Пространство домового Игоши заполняют реалии действительной жизни: «маленький человек <...> вцепился зубами в салфетку и потянул её, как собачонка; посыпались мои игрушки: и фарфоровая моська вдребезги, барабан у барабанщика выскочил, у колясочки слетели колёса...» [6, с.94]. Герой-повествователь живёт одновременно в реальном и фантастическом пространстве. Реально видимые ребенком пространство и образы дополняются воображаемыми. Достоверность повествованию придаёт повтор слов с конкретно-предметным значением: «и Игоша стал повёртываться со стороны в сторону и опять к столу, на котором нянюшка поставила свой заветный чайник, очки, чашку без ручки, и два кусочка сахару...»; и далее: «Игоша потянул за салфетку и полетели на пол и заветный нянюшкин чайник, и очки выскочили из очешника, и чашка без ручки расшиблась, и кусочек сахарца укатился...» [6, с.95]. Ребенок совершенного отчетливо видит «маленького человечка» и делает домового товарищем в своих играх, тайным помощником, сваливает на него свои шалости.

Характерно, что взрослые отсутствуют там, где появляется Игоша. Это подчёркивается специальными лексическими средствами: «Едва я остался один, как Игоша явился ко мне» или: «Игоша для батюшки был невидим» [6, с.94]. Таким образом, ребенку сложно доказать взрослым свою невиновность, когда его наказывают. Он жалуется: «В слезах я побрёл к углу. Смотрю: там стоит Игоша; только батюшка отвернётся, а он меня головой толк да толк в спину, и я очутюсь на ковре с игрушками посредине комнаты; батюшка

увидит, я опять в угол; отворотится, а Игоша снова меня толкнёт» [6, с.95]. Как видим, взрослым чужд мир детской фантазии и для них закрыт доступ к пространству мифического существа. Л.В.Дереза в связи с этим подчеркивает, что «мир ребенка, изображенный ретроспективно, позволил автору вывести наружу идею, таившуюся в художественной ткани произведения: только детскому восприятию доступно слияние действительности и игры воображения» [5, с.218]. Отмеченная исследователями двуплановость сказки В.Ф.Одоевского «Игоша» представлена в структуре произведения двумя типами пространства – реальным и фантастическим. Реалии объективно существующего мира (их воплощением является конкретно-предметная лексика) накладываются на фабулу фольклорного произведения.

Несмотря на оригинальность и художественное своеобразие, сказка «Игоша» не имела успеха у читателей. На этот факт указывает Л.В.Дереза, которая замечает, что «лишь в наши дни, исследователи увидели в трогательном и поэтическом рассказе писателя о детстве те мысли и чувства, которые позднее в полной мере выразились в повести А.Линдгрена «Малыш и Карлсон» [5, с.219].

Итак, впервые в русской литературе объектом художественного изображения становится фольклорный образ Игоши, сведения о котором в славянской мифологии очень немногочисленны. Одноименный герой сказки В.Ф.Одоевского – едва оформившееся безрукое, безногое существо, невидимый дух, живущий в доме и принимающий активное участие в жизни его обитателей. С целью раскрытия образа автор использует типичную для фольклорного произведения поэтику – архаичную лексику, элементы устной народной речи, повторы. Сочетание фольклорной и «бытовой» фантастики в сказке «Игоша» еще больше подчеркивает «пестроту» сборника, неотъемлемой частью которого она является.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегак Б. А. Чудесный дедушка / Б. А. Бегак // Классики в стране детства. – М., 1983. – С. 35 – 47.
2. Белинский В. Г. Сочинения князя В. Ф. Одоевского // Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. – М., 1981. – Т. 7. – С. 102 – 126.
3. Даль В. И. О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. – СПб. : Литера, 1996. – 478 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. язык, 1978. – Т. 1. – 699 с.
5. Дереза Л. В. Романтизм и русская литературная сказка первой половины XIX века / Л. В. Дереза. – Полтава, 2003. – 250 с.
6. Одоевский В. Ф. Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным / В. Ф. Одоевский. – СПб. : Типография экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1833. – 158 с.
7. Одоевский В. Ф. Сочинения : в 2 т. / В. Ф. Одоевский. – М. : Худож. лит., 1981. – Т. 1 – 366 с.
8. Пропп В. Я. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 512 с.
9. Пушкин А. С. Сочинения : в 3 т. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1985. – Т. 3. – 528 с.
10. Турьян М. А. Странная моя судьба / М. А. Турьян. – М. : Книга, 1991. – 399 с.
11. Фризман Л. Г. Одоевский В. Ф. / Л. Г. Фризман // Русские писатели : Биобиблиографический словарь : в 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 96 – 99.

ЕЛЕНА ДМИТРЕНКО

ФОЛЬКЛОРНИЙ ОБРАЗ ДОМОВОГО В СКАЗКЕ В.Ф.ОДОЕВСКОГО «ИГОША»

Статья посвящена анализу фольклорного образа домового в сказке В.Ф.Одоевского «Игоша». Автор отмечает тот факт, что распространенность сюжета о домовом Игоше слабо отражена в русской литературной сказке. В.Ф.Одоевский, используя мотив общения человека с домашним духом, впервые в русской литературе обращается к малоизвестному в славянской мифологии сюжету.

Ключевые слова: сказка, мотив, образ, романтизм, фольклор.

OLENA DMYTRENKO

THE FOLK IMAGE OF THE BROWNIE IN THE FAIRYTALE «IGOSHA» BY V.F.ODOEVSKYJ.

The article is devoted to the analyses of folklore image of a brownie described in V.Odoevskiy's fairytale «Igosha». The author states that such motives are not spread in Russian fiction. V.Odoevskiy is the first one to use the motive of communication of a human with the domestic spiriting Russian literature.

Key words: fairytale, motive, image, romantism, folklore.

Одержано 9.06.2010 р., рекомендовано до друку 30.08.2010 р.

УДК 821.161.2-31.09

ЮЛІЯ ВОЛОЩУК
(Полтава)

**РОМАННА ТРИЛОГІЯ ВОЛОДИМИРА
ГЖИЦЬКОГО «У СВІТ ШИРОКИЙ»,
«ВЕЛИКІ НАДІЇ», «НІЧ І ДЕНЬ»:
СИНТЕЗ ХУДОЖНОСТІ Й
ДОКУМЕНТАЛЬНОСТІ**

Ключові слова: література non-fiction, документалістика, автобіографічний роман, художній домисел, головний герой, роман-трилогія.

Романи Володимира Зеноновича Гжицького (1885-1973) «У світ широкий» (1960), «Великі надії», «Ніч і день» (1963) представляють великий шар автобіографічної прози 60-70-х років ХХ ст. Дослідження цієї трилогії є актуальним у контексті зацікавлення сучасної науки про мистецтво слова по-